

## ПОВЕСТЬ А.П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ» (ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ А.П. СКАФТЫМОВА)

Наталья Новикова  
Россия, Саратов  
novikovanv@mail.ru

**Аннотация.** Данная работа представляет собой публикацию систематизированных заметок из рукописного фонда А.П. Скафтымова, посвящённых целенаправленному рассмотрению внутреннего состава повести А.П. Чехова «Скучная история», а также осмыслению её содержания в контексте прозы, предвещающей «Чайку», и в соотношении с повестью Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Во вступительной статье все подготовительные материалы, относящиеся к заявленной теме, характеризуются с содержательной стороны, мотивируется порядок их расположения, тем самым выявляется логика развития исследовательской мысли применительно к изучению конкретного художественного явления.

**Ключевые слова:** А.П.Чехов, «Скучная история», А.П. Скафтымов, подготовительные материалы, публикации

### The story of A.P. Chekhov's *Boring Story* (from the handwritten heritage of AP Skaftymov)

Natalia Novikova  
Russia, Saratov  
novikovanv@mail.ru

**Abstract.** This work is a publication of systematized notes from the manuscript collection of A.P. Skaftymov, dedicated to the purposeful examination of the inner-composition of the story. Chekhov's *Boring Story*, as well as understanding of its content in the context of the prose that precedes *The Seagull*, and in relation to the story of L. Tolstoy *The Death of Ivan Ilyich* are presented. In the introductory article, all the preparatory materials related to the stated topic are characterized from the side of the content, the order of their location is motivated, thereby revealing the logic of the development of research thought as applied to the study of a specific artistic phenomenon.

**Keywords:** A.P. Chekhov, *Boring Story*, A.P. Skaftymov, preparatory materials, publications

Сообществу литературоведов имя Александра Павловича Скафтымова (1890-1968) хорошо известно: наследие его «давно уже обрело в гуманитарном мире бесспорный статус филологической классики» [Прозоров 2010: 231]. Постигание учёным личности и творчества Н.Г. Чернышевского, исследование им художнических принципов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.П. Чехова в своё время – с середины 1920-х по конец 1950-х годов – были первопроходческими. Скафтымовское слово о корифеях отечественной литературы и по сей день не подвергается пересмотру, что свидетельствует об органическом соответствии

методологии прочтения, найденной исследователем, природе изучаемых художественных явлений.

Основы читательской культуры, богатый диапазон историко-литературных, философско-эстетических знаний, аналитические навыки А.П. Скафтымов получает в стенах Варшавского университета, полный курс историко-филологического факультета которого он заканчивает в 1913 году. Саратовская филологическая школа, о феномене которой заговорили в середине того же века, обязана своим появлением слушателю лекций И.И. Замотина и А.М. Евлахова, выпускнику семинария по М.Ю. Лермонтову и Ф.М. Достоевскому первого и участнику руководимого вторым научного кружка по изучению вопросов художественного творчества, его эстетики и психологии [Демченко 2009: 34–37]. Уроки обоих профессоров, прививших талантливому ученику вкус к научно-педагогической работе, пригодились молодому учёному-педагогу, с 1921-го – доценту, а ещё через два года – профессору Саратовского университета, и, переплавленные его творческим сознанием, легли в основание его исследовательской стратегии и тактики. Осмысление их – одна из задач, стоящих перед современными филологами, в первую очередь, по праву памяти – перед саратовскими. Счёт работам, посвящённым этой проблеме, открыт [Куликова 1984: 85–100; Никитина 2008: 5–21; Демченко 2009: 32–54; Прозоров 2010: 4–14; Сухих 2010: 177–181; Ванюков 2016: 212–222; Скафтымов 2017: 25–43].

Задача другого рода – публикация материалов рукописного наследия А.П. Скафтымова. Этот процесс начался сравнительно недавно. К тому своду публикаций, который приведён в статье десятилетней давности [Новикова 2008: 90], прибавился ещё целый ряд, связанный преимущественно с А.П. Чеховым [Новикова 2010–2017; Скафтымов 2016: 15–42]. Увидели свет подготовительные материалы к незавершённой статье о «Чайке» с имманентным анализом её содержания, фрагментарные заметки об этой пьесе в контексте прозы А.П. Чехова и собственно черновой вариант статьи на эту тему. Кроме того, нельзя не сказать о заготовках дополнительных сюжетов, «работающих» на раскрытие основного. Возникнув в поле зрения А.П. Скафтымова – исследователя «Чайки» и чеховской драматургии, они намечают пути изучения пьес и как художественного целого, и в сопряжённости их внутреннего состава с прозой. В равной степени это относится к «Иванову», «Дяде Ване» и «Лешему».

Обратим внимание на то, что названные драматургические произведения, особенно последнее из них, будучи значимой составляющей чеховского творчества, в морально-нравственном их аспекте, в окружении повестей и рассказов, привлекаются учёным для рассмотрения вопроса о так называемом «толстовстве» писателя. В связи с этим отдельно упомянем микроциклические наброски к разбору «Скучной истории», «Палаты № 6», «Моей жизни» и некоторых других крупных произведений А.П. Чехова-прозаика, которые, по наблюдениям А.П. Скафтымова, в той или иной мере перекликаются с этическими идеями Л. Толстого.

Как показывают рукописи, «Скучная история» оказывается на пересечении двух магистральных линий скафтымовского проникновения в чеховский мир (понимание глубинного единства прозы и драматургии писателя и глубинного же притяжения-отталкивания двух крупных художников). Черновые наброски, захватывающие эту повесть в орбиту целенаправленного рассмотрения, частично опубликованы [Новикова 2015: 48; Скафтымов 2016: 26, 27–28, 32–34] и в извлечениях цитированы [Новикова 2016]. Здесь они впервые даются центрично и на фоне новых публикаций, впервые – в составе двух логически мотивированных подборок, содержательное наполнение которых обозначено выше, впервые – в хронологической последовательности, что проливает свет на ход развития исследовательской мысли.

Надо полагать, изначальная отсылка к «Скучной истории» (I) появляется в подготовительных материалах А.П. Скафтымова не раньше 1930-го года, вероятнее всего – во второй четверти десятилетия. Тогда, вслед за выявлением узловых моментов драматургической поэтики «Чайки», возрастает внимание исследователя к созвучному ей повествовательному окружению, включая «записки старого человека». Они берутся в образно-тематическом преломлении, по-чеховски характерном и по-скафтымовски очерченном в ходе пристального рассмотрения мелиховской пьесы: прежде всего – со стороны «томления о счастье» в состоянии «одиночества» (II).

Продолжением и развитием этой линии осмысления судьбы знаменитого профессора становится, в самом конце 1930-х годов, подход к нему и со стороны «душевной обессиленности», которая вызывается «неустроенностью» жизни и «отсутствием идеи» у представителя «интеллигенции» (III). Учёный исследует причины болезненного состояния души главного героя повести, и через несколько лет в истолковании этого у него возникает существенное уточнение: «тоска по идее» (IV). Оно обуславливается мыслью не о «прямой» вине каждого, а о «силе обстоятельств», завладевших человеком, иначе говоря, – о «сложении жизни» в целом. Таким образом обнаруживается концептуально значимая точка сближения «Скучной истории» с «Чёрным монахом» и «Студентом», в перспективе – с «Чайкой». Повесть, наряду с рассказами и пьесой, привлекается исследователем в качестве одного из впечатляющих аргументов, способных убедить в многоликости такой «тоски», «неотвратимости трудной стороны жизни» и вместе с тем высвечивающих предпосылки преодоления бытовой и бытийственной безысходности.

Предположительно следующую позицию в размышлениях А.П. Скафтымова занимает суждение о «теории счастья» (V), открываемой им в «Скучной истории», «Чёрном монахе» и «Учителе словесности». Оно имеет характер обобщения, выверенный лаконизм которого удостоверяет оптимальность аналитического выбора. В попытке определить время появления этой записи нас не должен дезориентировать «возраст» листка (на оборотной стороне – фрагмент как минимум двадцатилетней давности). Небольшую же временную поправку сделаем в датировке последней стра-

ницы реконструированной статьи «"Чайка" среди повестей и рассказов Чехова» (VI): хотя запись на обороте её обозначена 1940-1941-м учебным годом, реально она может быть отнесена к нескольким годам позже, поскольку одна из срединных страниц статейного черновика заполнялась не раньше июня 1943-го года [Новикова 2015: 37]. Финалом названной работы является градация чеховских прозаических сочинений, по определению А.П. Скафтымова, – «система», которую замыкают «Скучная история» и «Чёрный монах».

Очевидно, что такая парность упоминания, вторящая предыдущим, не случайна. Вполне возможно, она объясняется стремлением зафиксировать существо конечной цели исследования чеховской прозы, предвещающей «Чайку», как постижение художественной «теории счастья», а также потребностью показать, как она складывалась, и тем самым прочертить – по нарастающей – вектор анализа. Расположение произведений не по хронологическому принципу, а, скорее, по проблемно-тематическому позволит охватить во многом разные, на первый взгляд, истории, объединяемые главным для художника, что и прочувствовано его исследователем: постановкой вопроса о счастье. Относительно этого «Скучная история», вкупе с одним-двумя произведениями из «дочайкинской» прозы, судя по всему, воспринимается А.П. Скафтымовым кульминационной. Поиск ответов на вопрос «о счастье, о его возможности, о его осуществимости, об условиях осуществления», стягивается к прочтению под этим углом зрения «записок старого человека». А они, по мысли учёного, многое проясняют в судьбе героев «Чайки». Как видим, исследовательский сюжет, начатый перечислением чеховских сочинений, подходящих для разговора о счастье, органично обретает смысловую завершенность.

Далее – блок рукописных материалов, отражающих этапы осмысления А.П. Скафтымовым чеховского «толстовства». В целом эти записи свидетельствуют о том, что обращение к обсуждаемой тогдашними чеховедами проблеме – следующая стадия его исследовательского движения, опирающаяся на собственный опыт многолетнего и предельно внимательного рассмотрения чеховского творчества. Пять первых фрагментов, благодаря наличию дат на использованных для заметок бумагах, с максимальной точностью могут быть датированы. Они появились в интервале не менее восьми лет, точнее, первая – не раньше января 1939-го, а последняя – не раньше января 1947-го года, то есть в пору интенсивного завершения работ по освоению чеховского массива и одновременно с этим – в разгар изучения толстовской философии истории.

Перед нами – План (VII), в котором намечаются этапы рассмотрения «проблемы» «Чехов и Толстой». В системе скафтымовских координат старший современник А.П. Чехова – его «спутник и учитель», но вместе с тем выявляется чеховское несогласие с «философско-этической проблематикой» предшественника. Именно на её перекрёстке отводится место «Скучной истории», через её призму и предполагается вести сопоставление. Герой повести берётся здесь со стороны «научного затворничества»,

«эгоистического» по сути, и потому – «с точки зрения утраты внутреннего удовлетворения», неполноты жизни, поскольку профессору явно чего-то «не хватает для счастья». В связи с этим исследователь склоняется к тому, что, по его наблюдениям, исходит не от Л. Толстого, а от А.П. Чехова: «счастье не в моральном совершенстве самом по себе, а во всех радостях жизни, наполненности духовными радостями».

А.П. Скафтымов отмечает для себя отсылки к полемической ситуации, возникшей в критике по поводу «Скучной истории» и «Смерти Ивана Ильича» (VIII) и, словно не учитывая этого обстоятельства, приступает к фронтальному чтению обоих произведений, подчиняя процесс новым исследовательским задачам. По ходу «медленного» чтения он прибегает к испытанному приёму работы – к пошаговым выпискам из текста, сопровождающимся краткими комментариями (IX-XI). Они, применительно к чеховской повести, задерживают внимание на «стремлении» героя «к высоким отдалённым целям, без внимания к каждому человеку», «равнодушии», «одиночестве» и желании любви со стороны близких и дальних. Всё это – знакомые черты «старого человека», представленные не порознь, как это было востребовано на начальном этапе осмысления контекста «Чайки», а в морально-нравственной взаимообусловленности. В рассмотрении истории жизни и предыстории смерти толстовского героя учёный фиксирует сходные с чеховским состояния, однако подчёркивает и кардинальное отличие их друг от друга, соответственно – различие в их авторских трактовках: «О прошлом у Николая Степановича иначе».

По логике вещей, последняя реплика служит мостиком к следующему звену в сопоставлении двух повестей – к наброску с соответствующим заголовком (XII). Располагаем его именно здесь, невзирая на имеющиеся «данные» (листку как минимум тридцать пять лет), поскольку обнаруживаем развёрнутый аналитический разбор, подготовленный, в частности, отмеченной выше работой. Сравнение выявляет различие в «сосредоточенности рисунка»: у Л. Толстого в нём проступает «моральное самочувствие» героя, его «моральное самоуглубление»; оппонент же, с точки зрения исследователя, интересуется «внутренним самочувствием», природа которого – «не морального свойства, а в смысле жизненно эмоционального тону», именно он и позволял герою чувствовать удовлетворение от «собственной применённости в любимом и удающемся деле». «Логическим итогом» оценки «моральной стороны» героя «Скучной истории» является, по мысли А.П. Скафтымова, «признание <...> необходимости вневличных целей жизни»: «надо жить не для себя, а для кого-то другого». В этом он усматривает «идейное отличие от Толстого».

Однако, несмотря на внятность «итога», который открывается исследователю при изучении своеобразного художнического диалога, на этом он точку не ставит, продолжая задаваться вопросами: «В чём же отличие Чехова от Толстого? В чём его специфика?» Герой толстовской истории, носитель авторского «морализующего элемента», по причине разгаданности на время отступает в тень – учёный вновь погружается

в «Скучную историю» (XIII). В свете «общей темы <...> пессимизма», лежащей «в основе идейного содержания повести», он различает в герое вложенное писателем («по мысли Чехова») качество: «для подобных людей пессимизм является лишь оправданием собственного позорного бегства от жизни, бегства, возникающего от отсутствия внеиндивидуальных моральных целей, ради которых человек мог бы переносить собственную моральную неустроенность». Профессор А.П. Скафтымов, заостряя трактовку поведения чеховского профессора, по сути, не меняет своего к нему отношения: такой подход находит подтверждение в специфике внутреннего состава повести.

Исследователь продолжает искать ответы на сложные вопросы, порождаемые «Скучной историей». Мы располагаем обширным фрагментом, специально посвящённым рассмотрению «идейной близости» чеховской повести к симметричному, скажем, пласту толстовских исканий и откровений (XIV). Характер записи указывает на то, что она является собой сначала более-менее отделанный, а затем – черновой вариант содержательной части предполагавшейся, видимо, статьи на ожидаемую тему. Работа над ней протекала, судя по всему, в самом конце 1940-х годов. А.П. Скафтымов помещает «записки старого человека» в ряд тематически созвучных им произведений А.П. Чехова, где речь идёт «о недостатке взаимной участливости и моральной бережности в бытовых отношениях людей друг к другу».

В поле зрения исследователя входят и «общая конструкция повести» с ключевым «вопросом о пессимизме», и «внутренний конфликт героя», и вслед за этим, по пунктам (их шесть) – чем «интересуется» Чехов «в отличие от Толстого». Здесь он прежде всего касается опять-таки «самочувствия» героя, «содержания тонуса», которое заключается в «чувстве удовлетворения собою»; после этого отмечает «перемены внутри Николая Степановича», которые приводят к «пессимистической оценке жизни», и буквально подчёркивает «конечное заключение» на этот счёт: «так как логика счастья <...> находится в зависимости от неизбежных случайностей», спасением «от пессимизма» может стать «нравственное самоотдание». «Необходимость» его, как считает исследователь, осознают герои обеих повестей. Но если А.П. Чехов на первое место ставит «внеличностную ценность» жизни, то Л. Толстой – «цели морального блага».

По А.П. Скафтымову, между авторами «Скучной истории» и «Смерти Ивана Ильича» «различного» гораздо больше, чем общего. Но при этом заметим, что обоснованные суждения о притягательности Л. Толстого для А.П. Чехова и скрупулёзный анализ сугубо чеховского истолкования «скучной истории» человеческой жизни не идут ни в какое сравнение с первичными отзывами о рецепции А.П. Чеховым идей «учителя». Скафтымовский монолог об этом остался, надо полагать, незавершённым. Однако отголоски его «звучат» в наброске, пожалуй, замыкающем все приведённые (XV). И хотя он мог бы служить зачином монографического исследования о «специфически чеховском применении мораль-

ного принципа в освещении жизни», содержание его в любом случае – результат многолетнего вдумчивого труда. Труда, как оказалось, в стол.

Наконец, спустя едва ли не десять лет после финального многолетия, читая свежий том «Летописи жизни и творчества А.П. Чехова», А.П. Скафтымов, в середине 1950-х годов фактически завершающий преподавательскую деятельность, отходящий от дел, возвращается к тому, что наполняло его жизнь долгие годы и что осталось недосказанным. Оживают «Скучная история», «Леший» и «Дядя Ваня», перечитываются письма с откликами о повести, в том числе по сборнику 1914 года, вспыхивает желание продолжить работу («вникать, сопоставить», «можно процитировать»). И даже эти отрывочные записи свидетельствуют о приверженности исследователя к тексту и контекстам «Скучной истории»: для него она глубока не только сама по себе, но и как художническое явление, связующее чеховский и толстовский миры.

Предваряя публикацию, отметим следующее: записи извлечены из сгруппированных А.П. Скафтымовым и вложенных в согнутые пополам тетрадные обложки с надписями: «О счастье», «Чайка», «Леший», «Чехов» и «Толстой», а также – из бессистемной россыпи заметок. Появлялись они, как правило, на обороте оказавшихся под рукой листов разного формата и назначения (писем, официальных бумаг, аспирантских планов, рукописных или машинописных фрагментов предыдущих работ). Отличительной приметой скафтымовских черновых набросков является система подчёркиваний, причём показательно то, что на отдельно взятом листке подчёркивания могут быть сделаны «родными» чернилами и простым и красным карандашами, что говорит о неоднократном возвращении исследователя к своим записям.

Публикуем черновики, восстанавливая с помощью угловых скобок сокращённые слова и по большей части устраняя пунктуационную незавершённость, сохраняя в то же время эффект спонтанности некоторых записей и, по возможности, воспроизводя авторскую графику (случаи отклонения от этого оговариваются). Нам уже приходилось обращать внимание на то, что графический рисунок скафтымовских заметок имеет значение: он обнажает логику развития мысли, структурно воспроизводит ключевые звенья анализа и систему дополнительных аргументов, свидетельствует о степени созревания идеи, наконец, передаёт внутренне состояние исследователя. Сопровождаем публикацию, где это достижимо, сведениями о «происхождении» рукописной страницы и о ссылках исследователя на относящиеся к анализу источники, что позволяет более точно определить временные рамки публикуемых материалов. Сгруппированные и единичные, для удобства восприятия они нумеруются римскими цифрами.

## I.

О счастье «Чайка» (прим. 1)

«Егеръ» 1885, «Тоска» 1886, «Панихида» 1886, «Шуточка» 1886, «Весной» 1886, «Весной» 1887, «Святою ночью» 1886, «Скука жизни» 1886, «Муж» 1886, «Тина» 1886, «Мечты» 1886, «Ванька» 1886, «Верочка» 1886, «Счастье» 1887, «Свирель» 1887, «Почта» 1887, «Рассказ госпожи NN» 1887, «Поцелуй» 1887, «Степь» 1888, «Красавицы» 1888, «Обыватели» 1887, «Учитель словесности» 1889 и 1894, «Скучн<ая> ист<ория>» 1889, «Гусев» 1890, «Бабы» 1891, «В ссылке» 1892, «Рассказ неизв<естного> ч<еловека>» 1893, «Чёрный монах» 1894, «Бабье царство» 1894, «Скрипка Ротш<ильда>» 1894, «Три года» 1895, «Дом с мезонином» 1896, «Чайка» 1896, «На подводе» 1897.

## II.

Нежность и самодовольство пошлости.

«Егеръ».

Сожаление о невозвратно, неправильно ушедш<ей> жизни. «Горе», «Смерть чиновн<ика>». Торжество тупости. «Унтер Пришибеев», «Толстый и тонкий», «Хамелеон». Неразделённость. Одиночество. «Тоска» (1886), «Ванька». Безверие. «На пути» (Лихарев) (1886). Библия. Наука. Нигилизм и прокламировал по тюрьмам. Томление о счастье и бессмыслие жизни. «Счастье», 403 (прим. 2). «Святою ночью», «Свирель», «Обыватели» (1887-1889). «Степь» (1888). Песня, 199. Одиночеств<о> 217. Могила 235. «Счастливей человек» (любовь к жене) 243. «Скушно мне», 250-251. «Огни», 295 (1888) (прим. 3). «Скучная история», 431 (1889) (прим. 4). Одиночество 430. Злословие от нед<овольства> собою. Катя. Мих<аил> Фёдоров<ич>. Сам Ник<олай> Степ<анович>. «Именины» (1888) (прим. 5); «Иванов». Оправдание усталости (1887-89). О шестидесятниках; «Сахалин» (1890). «Гусев» (1890) (Смерть и счастье); «Дуэль» (1891); «Палата № 6» (1892); «Рассказ неизв<естного> человека» (1893); «Чёрный монах» (1894); «Три года» (1895); «Моя жизнь» (1896); «Чайка» (1896); «Дядя Ваня» (1897); «Три сестры» (1901); «Вишнёвый сад» (1904); «Мужики» (1897). Ср<авнить>: «Новая дача» (1899). «В овраге» — кулачество (1900); «Печенег» (1897); «Чел<овек> в футляре» (1898); «Крыжовник» (1898) (прим. 6).

## III.

— Ощущение неустроенности жизни. Жизнь предст<аёт> уродливой, ненужной, лишён<ой> радости. А внутри тоскующее, желающее, но не находящее выхода и удовлетворения: «Свирель», «Счастье», «Почта», «Степь».

Далее эта линия: пьесы. «На подводе» (1897) и др<угие>.

— В этой перспективе в раннем тв<орчеств<е> — тема интеллигенции (прим. 7). Состояние неустроенности, протрации, душевной обессиленности. Чехов стремится объяснить природу мрачного взгляда на жизнь, природу пессимистических настроений. Объясняет это усталостью, надорванностью, следов<ательно>, трудностью жизни (от её неустроенности) и отсутств<ием> идеи: «Иванов», «Скучная история».

Далее: у них стремление отгородиться от жизни, отмахнуться, отказаться от всяких пустых побуждений.

— Отгородиться и заслониться всякими теориями, подходящими для ленивых и эгоистич<ных> стремл<ений>:

«Рассказ неизв<естного> человека» — Орлов

«Пал<ата> № 6» – Рагин

Когда одолевает, обступает мелочность и пошлость как что-то непобедимое  
и в самом засыпает всё: «Ионыч»

Рядом и откровенные пошляки, в которых иного ничего нет, прямо идёт туда –  
«Крыжовник».

Чехов требует морального, действенного вмешательства в жизнь: «Моя жизнь»

– Далее – крестьяне: «Мужики» (прим. 8).

#### IV.

##### «Чайка»

– Подход к человеку – самочувствие, жизненный тонус (прим. 9).

– Находит: человек недоволен, в конфликте.

– Конфликт: не на данный случай. Случай этот, который описывается, –  
выражение длительного состояния, присуще герою и раньше, и после. «Мелюзга» –  
так; «Мечты» – так; «Почта» – т<ак>; «Ванька» – т<ак>; «Счастье» – т<ак>; «Степь» –  
т<ак>; «Красавицы», «Гусев», «Весной», «Бабы», «Бабье царство». Сюда же –  
страдающая любовь: «Егерь», «Верочка», «Поцелуй», «Рассказ <госпожи> NN».

– В конфликте страдает кроткая возвышенная поэтич<еская> сторона.

– Кто виноват. Не прямой виновник, а сила обстоятельств.

– Соответств<ие> этому в «Чайке»:

– Писат<ельски>-арт<истический> мир – со стороны самочувствия.

– И здесь – нет счастья. И здесь будни, и здесь своя – тяжёлая, нерадостная,  
антипоэтическая сторона.

Рознь, свой холод, своя отчуждённость.

Новая мысль – неотвратимость трудной стороны жизни.

Быть готовым – терпеть – во имя, ради...

Тем самым «Чайка» сливается ещё с одной стороной тв<орчест>ва Чехова –  
тоска по идее. Ср<авнить>: «Скучная история». «Чёрный монах». «Студент» (101-102)  
(прим. 10).

#### V.

Такие вещи, как «Скучная история» (прим. 11), «Учитель словесности», «Чёр-  
ный монах» – это уже вопрос о счастье, о его возможности, о его осуществимости, об усло-  
виях осуществления. Это уже теория счастья (прим. 12).

#### VI.

Рассказы «Гусев» (1890), «Бабы» (1891), «В ссылке» (1892) (прим. 13) при раз-  
ном жизненном материале сохраняют тот же (прим. 14) общий тип. Суровая (прим.15)  
и злая сторона жизни освещается путём наложения на то трогательное и светлое, что  
составляет для человека самое (прим. 16) дорогое и что грубо уродуется человеческой  
несправедливостью и насилием. В центре и фокусе творческого внимания автора  
находится тягостность и бессилие (прим. 17) тоскующего порыва к далёкому счастью,  
грубо отодвинутому жизнью (прим. 18). (Умиравший Гусев (прим. 19). Бесспорно (прим.  
20) тоскую<щий> татарин). «Бабье царство» – новый вариант жизни без счастья (прим.  
21). Жизнь молодой женщины, обладательницы миллионов, но в тоске, без душевных  
радостей (прим. 22).

Переделать: дать не в хронологии, а в системе.

1. «Мелюзга», «Муж», «Мечты» (прим. 23), «Почта», «Ванька» (прим. 24),  
«Гусев», «Бабы», «В ссылке».

2. «Счастье» (прим. 25). «Степь». «Красавицы». «Дом с мезонином».
3. Любовь: «Егерь». «Шуточка». «Верочка». «Поцелуй» (прим. 26). «Рассказ NN» (прим. 27). «Бабье царство». «Три года».
4. «Скучная история». «Чёрный монах» (прим. 28).

## VII.

### План

1) Чехов и Толстой как проблема.

2) Признания самого Чехова, фиксирующие определённый период влияния. Произведения этого времени, связанные с Толстым, – где признаёт связь и наследование: «Иванов» в 1 редакции 4 действие, – где отдаляется: «Леший», «Огни».

Упрёк в невнимании к человеку – сосредоточенность на себе: «Скучная история» (жить не для себя).

Толстой во многом спутник и учитель Чехова. Между прочим: против всякого эгоистического затворничества, против всякого бегства от жизни, против аморального интеллектуализма (научное затворничество): фон Корен, Благой. <...>

В философско-исторической и философско-этической проблематике Толстой неизмеримо шире и глубже и конкретнее (прим. 29) Чехова.

В определении того, чего человеку не хватает (прим. 30) для полноты радостной и счастливой жизни, Чехов неизмеримо разнообразнее (прим. 31), богаче и конкретнее Толстого.

Толстой с точки зрения моральных поисков, морального беспокойства, моральной неустроенности и неудовлетворённости. Чехов – с точки зрения счастья (в субъективных переживаниях) – внутренне (прим. 32) устроен или не устроен и чего ему не хватает для счастья, что ему мешает жить, чего ему хочется, о чём томится, чтобы быть счастливым.

«Скучная история» – с точки зрения утраты внутреннего удовлетворения, личная слабость, несостоятельность перед жизнью. Надобность идеала, которому отдать жизнь.

Сравнить: «Чайка».

Моральное совершенство для него не единственный критерий счастья (ценности) жизни, а привходящий. Это у Чехова не отсутствует, но не является исчерпывающим, не превращено в самоцель.

Цель – счастье, и счастье не в моральном совершенстве самом по себе, а во всех радостях жизни, наполненности духовными радостями, духовное богатство, изящество, широта и красота жизни (прим. 33).

## VIII.

«Скучная история». «Северный вестник». 1889. № 11, ноябрь.

Критики отметили влияние «Смерти Ивана Ильича» Л. Толстого, незадолго перед тем (1886) опубликованной и вызвавшей большое внимание современников. Сравнение двух произведений делалось с отрицательной и подчас весьма резкой характеристикой повести Чехова (Аристархов (Арсений Введенский). «Журнальные отголоски». «Русские ведомости». 1889, 4 декабря, № 335; Ю. Николаев (Говоруха-Отрок). «Очерки современной беллетристики». «Московские ведомости». 1889, 14 декабря, № 345).

Зависимость Чехова от Л. Толстого в повести отрицалась В. Бурениным («Новое время». 1889, 10. XI.) (прим. 34).

Независимость Чехова от Л. Толстого доказывалась и рецензентом «Русского богатства» Д. Струниным («Выдающийся литературный тип». 1890, № 4).

Сочинения, VI, страница (прим. 35).

## IX.

- Эгоистическая небрежность – «о человеке» – Лаевский. «Княгиня».  
– Линия Лешего – «Именины», «Жена», «Скрипка Ротш<ильда>».  
– Линия жизни. Бессм<ысленная> беск<онечная> жестокость подменяется. «Именины» ложь, «Припадок» – не в большом, а в малом – 357 (прим. 36).  
– Линия (прим. 37) против замкнутости, сосредоточенности в науке, искусстве, без нравств<енного> одух<отворения>, стремл<ения> к высоким отд<алённым> целям, без вним<ания> к каждому человеку (прим. 38).  
«Припадок». «Мы, люди, убиваем взаимно друг друга» – 358  
«Чутьё к боли» – 359. Этого не замечают.  
Т<о> е<сть> – Чехов говорит о тех трудностях, которые не замечают, обыкновенных, при-мелькавш<ихся>. Даже не понимают – 363.  
– Подменяют – «Княгиня», «Жена».  
– «Несправедливо судит о людях» – 390 («Ск<учная> ист<ория>»)  
Отчуждение от жены, от дочери  
«Злое чувство против обыкнов<енных> людей» – 391  
Узкая сосредоточ<енность> на своём у Петра Игнатьевича – 393  
«Интересует одна только наука» – 396  
Вера в науку. Наука – любовь – 396  
«Судьбы костного мозга интересуют больше, чем <конечная> цель мироздания» – 396  
Ложь с колл<егами>, с друз<ьями>, со студ<ентами>  
Катя – утомление – 403  
«Лучшие люди видят зло только издали» и пр<очее> – 404  
Слабое участие в судьбе Кати – 404 (прим. 39).

## X.

- О ненависти жены и дочери к Кате:  
«добродетель и чистота мало отличаются от порока, если они не свободны от лого чувства» – 406.  
Женщина «слезлива и груба сердцем». Надо воспитывать, как мужчин – 406.  
– «Внутр<енная> жизнь их ... (прим. 40) давно ускользнула от моего наблюдения» – 408  
«Прозевал»... – 408  
Раздражение к Гнеккеру.  
– Жалобы и брюзжание – 411. Сам о перемене в себе – 411  
– Мих<аил> Фёдорович – бранчивость – 413  
– Разговор – «глумление и издевательство» – 417  
– 62 года – «пропащие» – 418  
– Одиночество – 421  
– «Ты жертва не борьбы, а бессилия» – 425 (прим. 41)  
– Известность и одиночество – 430  
«всеобщее невежество и грубость в отношениях» – 430  
«никто не виноват» – но имя обмануло – 431 (прим. 42)  
– Равнодушие к Лизе и Гнеккеру  
«Равнодушие – это паралич души, смерть» – 431  
– Важны не поступки, а желания – 431 (прим. 43)  
«Скажи мне, чего ты хочешь, ... кто ты» – 431  
– Чего хочет – любви, что будет с наукой, пожить (прим. 44).

## XI.

«См<ерть> Ив<ана> И<льича>»

- Он об этом знает, упоминает «дурак, кисляй» и пр<очее> – 22 (прим. 45), но не делает это, не говорит, как это омрачает, как тускнеет от этого жизнь изо дня в день – как раз это и делал Чехов – 22.
- Особенно после <того>, как заболел – мелочи – 24
- Раздражение. Всё кругом грустно – 25.
- Раньше неудачи и теперь – 26
- Злость на людей – 26
- И даже вопрос об умств<енном> ослаблении – 27.
- А между тем всё кругом по-прежнему – 27.
- И одиночество – 28, 31, 37, 43, 44, 45.
- О лжи жены – 39 внизу – 40.
- Пререкания – 42.
- О прошлом у Н<иколая> С<тепановича> иначе – 43 (прим. 46).

## ХII.

«Скучная история» и «Смерть Ивана Ильича»

Je veux que je tais seul et le plus tôt sera le plus mienl.

Je veux mourir. Je ne puet pas vivre, je ne veux pas vivre (прим. 47).

- У Толстого Иван Ильич внутренним процессом приводится к признанию несостоятельности всей своей прежней жизни.
- У Чехова тоже Ник<олай> Степ<анович> в конце концов высказывает такое признание (об отсутствии идей).
- Различное. Толстой сосредоточивается на моральном самочувствии Ив<ана> Ильича. Каждый новый толчок в поступат<ельном> движении его болезни явл<ается> толчком к моральному самоуглублению и раскрытию своей прежней неправоты и признаком каких-то важных дух<овных> ценностей, которых он раньше не замечал или которыми пренебрегал.
- У Чехова сосредоточенность рисунка иная. Чехов следит, как вместе с физическим (прим. 48) ослаблением растёт чувство жизненной слабости и отброшенности и как прежняя, ясная, «счастливая» настроенность перестраивается и превращается в ипохондрическое брюзжание. Недовольство собою, сознание собственной недостаточности получает косвенно симптоматическое выражение в недовольстве всем окружающим, в озлоблении (прим. 49) и отрицании того, что раньше не вызывало злобы.
- Так<им> обр<азом>, Чехов, интересуясь внутренним самочувствием, следит за переменами его и старается определить и анализировать, чем эти перемены вызываются. Самочувствие – не морального свойства, а в смысле жизненно эмоционального тонуса. Его настоящая тема. Моральная сторона здесь присутствует (прим. 50), но она объясняется лишь в виде констатирующего признания (как логич<еский> итог) необходимости вневличных целей жизни, т<о> е<сть> таких целей, которые собственные блага личности ставили бы на второй план, когда личность даже и при собственной слабости и несостоятельности была бы в силах видеть во всём смысл и находить в нём опору.

Идейное отличие от Толстого состоит, т<аким> обр<азом>:

Оценка окружающего складывается в зависимости от собств<енного> успеха или неуспеха, благополучия и неблагополучия (прим. 51), надо уметь жить не для себя, а для кого-то другого (Ср<авнить> о Пржевальском).

Не успех, не благополучие, а собственная применённость в любимом и удающемся деле. До тех пор, пока этим владел, был богат этим, тогда был духовно щедр и снисходителен к другим (как король).

В чём же отличие Чехова от Т<олсто>го?

В чём его специфика? (прим. 52).

### XIII.

#### «Скучная история»

– В основе идейного содержания повести лежит вопрос о природе пессимистических оценок жизни; этою общею темой (темою пессимизма) объединены все лица повести, представляющие собою лишь особые разновидности однородных настроений, у всех одинаково выявленных личным жизненным неуспехом; (прим. 53). Общая мысль повести состоит в том, что отрицательные оценки жизни, приводящие к безнадёжности и отказу от борьбы, характеризуют не объективное положение вещей, а свидетельствуют лишь о чувстве собственной несостоятельности тех людей, которые такой жизни (прим. 54) подобные оценки. Чехов подчёркивал, что в данном случае для него важно было не то, что высказывается, а то, кем это высказывается. По мысли Чехова, для подобных людей пессимизм является лишь оправданием собственного позорного бегства от жизни, бегства, возникающего от отсутствия внеиндивидуальных моральных целей, ради которых человек мог бы переносить (прим. 55) собственную моральную неустроенность, не отступая перед трудностями жизни и без клеветы на жизнь (прим. 56).

### XIV.

Морализующий элемент в произведениях Чехова не так (прим. 57) слаб, как может показаться на первый взгляд. Почти все самые заметные и крупные произведения Чехова в основе своей идейной концепции имеют мысль о необходимости (прим. 58) нравственных связей между людьми и о (прим. 59) нравственном самоотдании как единственно спасающей жизненной силе. Сама по себе эта широкая идея, конечно, не может ставиться в непосредственную и исключительную зависимость от влияния Толстого. Но совпадение с Толстым в требованиях живой нравственной обращённости человека к человеку совершенно несомненно, и, следовательно, в пределах данной идеи, взятой (прим. 60) в её общем содержании, противопоставлять Чехова Толстому никак нельзя. Здесь они были вместе.

Иное дело вопрос о том, в чём должна состоять эта обращённость человека к человеку, каким человеческим интересам должен служить человек. <...> Остановимся на некоторых произведениях Чехова, в которых его идейная близость к Толстому представляется наиболее ощутимой. Она же позволяет нам точнее определить и его (прим. 61) отличия от Толстого (прим. 62).

Тема о недостатке взаимной участливости и моральной бережности в бытовых отношениях людей друг к другу присутствует у Чехова (прим. 63) и в других произведениях этого времени, останется она и в последующем творчестве («Отец», «Огни» (прим. 64) (здесь присутств<ует> и раскаяние (прим. 65)), «Именины», «Иванов», «Скучная история», «Жена», «Дуэль», «Бабы», «Скрипка Ротшильда», «Убийство», «Моя жизнь», «На святках» и др<угих>).

Но там она не имеет самостоятельности (кроме «Скрипки Ротшильда»), является лишь приводящим мотивом и уже не сопровождается столь прямыми морализующими советами, как это наблюдается в «Лешем».

Далее «Скучная история». Общая конструкция повести говорит о том, что Чехов в ней был занят вопросом о пессимизме, о его поводах (прим. 66) и внутренних субъективных источниках. В центре авторского внимания находился внутренний конфликт, в котором оказался Ник<олай> Ст<епанович> во время своей болезни и старости. Чувство собственного бессилия (прим. 67) болезненно приводит Ник<олая> Ст<епановича> в конце концов (прим. 68) к брюзгливому недовольству всем окружающим. В параллель Ник<олаю> Ст<епановичу> поставлена и Катя (прим. 69).

В отличие от Толстого

- 1) Чехов интересуется самочувствием, тонусом, в каком переживается жизнь, т<о>е<сть> радостно или нерадостно переживается жизнь в её общем наполнении.

- 2) В содержании этого тонуca сугубо этическая сторона отсутствует. Центр, определяющий тонус, – довольство собою (применённость в любимом деле). Содержание тонуca: чувство удовлетворения собою и наличие интереса к ж<изни>.
- 3) Перемены внутри Н<иколая> Ст<епановича> – трактованы только в этом плане (?) (прим. 70).
- 4) Проблема произведения: откуда возникает пессимистич<еская> или оптимистическая оценка жизни. Ответ: это симптом, зависящий от личной удовлетворённости или неудовлетворённости. Конечное заключение: так как логика счастья, личная удовлетворённость находится в зависимости от неизбежных случайностей и иных неустранимых причин (старость, «насморк»), то от пессимизма могут спасти только внеличностные цели жизни. Необходимо нравственное самоотдание.
- 5) В повести имеется слабый упрёк в эгоистичности жизни Н<иколая> Ст<епановича> (не замечал семьи). Что это значит? Если жил не для других и не с другими (прим. 71), то останется одиноким – с одною наукой, люди видят только учёного, слава останется, но человеческое отсутствует. Близко к Т<олсто>му. Нужно жить всем человеческим существом. И Кате при неуспехе (в моём смысле) некуда себя девать, наука совсем обесценивается.
- 6) Чехов: необходима идея, цель жизни – какая? Какого рода? Внеличностная ценность и только.

Толстой: любовь, цели морального блага.

У Ч<ехо>ва только чуть сквозит о дозе любви, нравственного самоотдания, об обращённости к живому человеку, не довольствоваться одною наукой (см. пункт 5).

«См<ерть> Ив<ана> Ил<ьича>» и «Ск<учная> ист<ория>»

Общее: признание недостат<ков>, неправильности жизни: необходимость нравств<енного> самоотдания – у обоих.

В деталях: прежнее благополучие и благодушие, основанное на личном благополучии (очень разном), сменяется раздражением, недовольством людьми, чувством одиночества и собственной отгороженности.

Различное: (прим. 72).

## XV.

В конце 80-х годов определилось специфически чеховское применение морального принципа в освещении жизни. Общий вопрос о моральной неправде между людьми Чехов перенёс в человеческие будни, в сферу наиболее привычного, ежедневного и поэтому мало заметного, когда нравственная холодность и несправедливость совершаются без борьбы, без намерения, без понимания её значения, без всякого учёта её возможных следствий, на ходу, по автоматической привычке, в силу простого невнимания к внутреннему миру человека и нежелания его понять. Эта тема отчасти присутствовала уже в пьесе «Иванов» (1887-1889). В развёрнутом виде она лежит в основе следующей пьесы «Леший» (1888-1889). В этой же теме написан главный эпизод повести «Огни» (1888), рассказ «Припадок» (1888). Звучит она и в «Скучной истории», в «Дуэли», в «Рассказе неизвестного человека» и др<угих>. Зло не для того, чтобы причинить вред, а так (прим. 73).

## XVI.

В «Скучной истор<ии>» заглавие: «Моё имя и я». Летопись – 235 (прим. 74).

Рассуждения скучны, как сам собой – 239 (прим. 75).

(«Леший»: «Невинный лепет младенца». О «Лешем» вникать, сопоставить письмо Плещееву. Летопис<ь> – 240) (прим. 76).

– Письмо Свободина Чехову («Слово». Сб<орник> 2. М., 1914, стр<аница> 275) (прим. 77).

– Письмо Свободина о «Лешем». Летопись, 242 (прим. 78). Можно процитировать (прим. 79).

## Примечания

1. Здесь и далее – подчеркнуто в рукописи. Название пьесы – «Чайка» – здесь и в качестве заголовка IV-го фрагмента вставлено рукой А.П. Медведева, ученика, коллеги, друга А.П. Скафтымова, хранителя его рукописей. Запись ведётся на четвертушке грубой бумаги, простым карандашом, в два столбика. На обороте – рукой А.П. Скафтымова – набросок плана подготовки по иностранному языку, предназначенный для кого-то из аспирантов. Первым аспирантом А.П. Скафтымова в 1930-м году стал В.А. Бочкарёв, впоследствии профессор Куйбышевского пединститута, на протяжении 1930-х годов скафтымовскими аспирантами были М.М. Уманская, Г.Б. Курляндская, Е.И. Покусаев и другие, поток аспирантов не прерывался в военные и послевоенные годы, а последней аспиранткой А.П. Скафтымова в 1954-м году стала Г.Н. Антонова. Временной разброс в четверть века не позволяет с максимальной точностью определить сроки появления данной записи, но, исходя из скафтымовской логики осмысления вопроса, отнесём её к более ранней границе.
2. [Чехов 1931 VI: 403]. Имеется в виду фраза, подчеркнутая в тексте повести «Скучная история» красным карандашом: «Катя любила, верила в своё дело и была счастлива». Ссылки на повесть «Степь» и рассказ «Огни» даются по указанному тому. После смерти учёного, в составе его библиотеки, названное собрание было передано в дар научной библиотеке Саратовского государственного университета. Книги содержат многочисленные пометки их владельца.
3. Скорее всего, имеются в виду подчеркнутые А.П. Скафтымовым слова рассказчика: «Ничего не разберёшь на этом свете!»
4. Далее о «Скучной истории» – лесенкой. На указанной странице подчеркнуто следующее: «никто не виноват»; признание в равнодушии, с которым встречено известие о свадьбе дочери, и мысль о том, что «равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть» (на полях – «Пал<ата> № 6»); «принимал во внимание не поступки, в которых всё условно, а желания»; «любили в нас <...> обыкновенных людей»; «что будет с наукой».
5. Далее всё – столбиком.
6. Четверть нестандартного листа в линию, исписанная с обеих сторон сначала чернилами бледно-бирюзового цвета, на фоне которых даты проставлены карандашом малинового цвета, с названия «Святою ночью» запись ведётся только им.
7. Здесь и далее записанное фиолетовыми чернилами подчеркивается простым карандашом, который в отдельных случаях дублирует подчеркивание чернилами.
8. На обороте – фрагмент машинописи из списка источников к объёмистому историко-методическому исследованию А.П. Скафтымова «Преподавание литературы в дореволюционной школе (40-е и 60-е годы)», которое впервые было опубликовано в 3-м выпуске Учёных записок Саратовского пединститута за 1938 год.
9. Прилагательное вписано над существительным.
10. [Чехов 1931 VIII: 99-102]. На полях указанных страниц – более десяти отчеркиваний красным карандашом. На обороте – от руки – фрагмент плана занятий аспиранта А.Ф. Будникова на 1940-1941 учебный год.
11. Заголовок вставлен над следующим.
12. Запись сделана карандашом на половинке тетрадного листа в клетку, на обороте – фрагмент, судя по всему, дореволюционного происхождения: чёрной тушью, в дореформенной орфографии (с «і», «ятями» и «ъ» на конце слов) – о том, что «факты могут быть сведены к довольно ограниченному числу группировок. Факты истории – бесконечно разнообразны. Душевное явление одного человека не тождественно явлению того же порядка другого человека. Проявления могут быть сходны, но отсюда нельзя заключить к их внутреннему единству. Материал, с одной стороны, велик количественно – по числу отдельных фактов и мал – по числу основных групп, объединяющих факты <...> Многопричинность – действующие факторы в каждом отдельном случае неисчислимы. Литературный пример. Неровность стиля объясняют экономической ситуацией, торопливостью. Бальзак. Достоевский. Толстой. Ватто. Гамсун. Горький». Судя по содержанию, эта запись могла появиться ещё в студенческие годы.

13. Даты проставлены над названиями.
14. «Тот же» – над строкой.
15. Перед этим зачёркнуто название рассказа «Бабье царство», после этого зачёркнуто: «несправедливая».
16. Вставлено над зачёркнутым: «способно составить счастье».
17. Вставлено над зачёркнутым «состояния».
18. Вставлено над зачёркнутым: «(Гусев о возможном, но грубо о невозможном счастье)».
19. Перед этим зачёркнуто: «Гусев».
20. Вставлено сверху.
21. Далее зачёркнуто: «Структура рассказа “Скука жизни” при богатстве, но при отсутствии».
22. Предложение вписано над зачёркнутым, между строк. После этого – графический интервал.
23. Далее зачёркнуто: «”Почта”, “Счастье”».
24. Два названия вставлены над зачёркнутыми, третье из вставленных – «Гусев» – тоже зачёркнуто.
25. Перед этим зачёркнуто: «Почта».
26. Вставлено над зачёркнутым «Рассказ».
27. Имеется в виду «Рассказ госпожи NN» (1887).
28. Последняя – двенадцатая – страница черновика статьи «”Чайка” среди повестей и рассказов Чехова» заполнена примерно на две трети. На обороте тетрадного листа в клетку – правая сторона плана занятий аспиранта А.Ф. Будникова, составленного на 1940-1941 учебный год.
29. Третье определение вставлено сверху.
30. Далее, до «Чехов», вставлено сверху.
31. Далее, до «Толстого», вставлено сверху.
32. «Внутренне» вставлено сверху.
33. План – фиолетовыми чернилами, на тетрадных листах в линию, с обеих сторон, поверх кем-то записанной простым карандашом лекции на тему «Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского», прочтённой А.П. Скафтымовым 8 января 1939-го года (дата лекции проставлена). План относительно текста лекции располагается «вверх ногами».
34. Пропущено название: «Критические очерки».
35. [Чехов 1931 VI: 461]. Почти дословный фрагмент примечаний – на половинке тетрадной страницы в линию. На обороте – окончание письма, адресованного А.П. Скафтымову неким М.В. Державиным с просьбой дать отзыв на его диссертацию о Вс. Гаршине. Письмо датировано: «10/VII-44 г.».
36. Об обоих рассказах – вставка простым карандашом. Ссылка опять-таки на VI-й том чеховского собрания сочинений.
37. Далее зачёркнуто: «Ск<учная> ист<ория>».
38. Далее запись ведётся простым карандашом, подчёркивания в тексте «Припадка» делаются тоже простым карандашом.
39. Запись сделана на половинке тетрадного листа в линию, на обороте – начало письма К. Сидоровой к А.П. Скафтымову: «В ответ на нашу телеграмму он прислал заявление и все полагающиеся документы. Вопрос с его пропиской уже улажен. Сейчас рассматривается вопрос с жильём». Письмо отправлено в конце января 1947-го года.
40. Здесь и далее многоточие как пропуск – в рукописи.
41. Пропущено: «своего».
42. В тексте: «<...> не люблю я своего популярного имени. Мне кажется, как будто оно меня обмануло».
43. Подчёркнуто двумя чертами.
44. Запись сделана на половинке тетрадной страницы в линию. На обороте – рукой А.П. Скафтымова – о выдвижении на предвыборном собрании коллектива Саратовского государственного университета кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР «тов. И.В. Сталина и тов. П.В. Голубкова». Доктор физико-математических наук П.В. Голубков стал ректором университета 16 ноября 1946 года, выборы состоялись 9 февраля 1947 года, собрание могло проходить в этом промежутке.
45. [Толстой 1929 XII: 3-50]. Книга из библиотеки А.П. Скафтымова.

46. См. у Л. Толстого: «<...> чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, тем ничтожнее и сомнительнее были радости. <...> Женитьба... так нечаянно, и это разочарование, <...> притворство! И эта мёртвая служба, и эти заботы о деньгах, и так год, <...> и двадцать – и всё то же. И что дальше, то мертвее» [Толстой 1929 XII: 43]. На обороте – окончание письма К. Сидоровой к А.П. Скафтымову по поводу принятия на работу Ю.Г. Оксмана: «Кроме всего, необходимо написать ему, чем он должен у нас заниматься. Без Вас я ничего не могу ему написать. Думаю, что найдётся какой-нибудь спецкурс, но точно – не знаю. Очень прошу написать мне Ваше мнение, чтобы я быстренько могла ему написать. Уважающая Вас – К. Сидорова. 29/І-47 г.». Приказ о зачислении Ю.Г. Оксмана на должность профессора кафедры русской литературы подписан 11 апреля 1947 года.
47. В переводе с французского: «Я хочу быть один, и чем раньше, тем лучше. Я хочу умереть. Я не могу жить. Я не хочу жить».
48. Прилагательное вставлено над существительным.
49. Вставлено над зачёркнутым «пессимистическое».
50. Далее – рукой А.П. Скафтымова – «На обороте».
51. Отсюда – стрелка к следующему абзацу («Не успех...»).
52. Запись делается фиолетовыми чернилами на листке, по всей видимости, рекламного содержания: «Издание І.А. Лемана. Новая книга: Э.Л. Радловъ. Философскій словарь. Логика, психология, этика, эстетика и исторія философіи. Издание 2-е, исправленное и дополненное. <...>». Словарь вышел в 1913 году.
53. Далее зачёркнуто: «ценное размышление».
54. Видимо, пропущено слово «дают».
55. Далее – рукой А.П. Скафтымова – «на обороте».
56. Запись делается фиолетовыми чернилами на четвертинке стандартного листа.
57. Над зачёркнутым: «Входя в “мелочи жизни” и определяя, что человеку мешает жить, Чехов».
58. Над зачёркнутым: «живой и высокой силе».
59. Далее зачёркнуто: «необходимости».
60. Далее зачёркнуто: «хотя бы в самом».
61. Далее зачёркнуто: «специфику и их взаимное несовпадение».
62. Далее – почти в тетрадную страницу, исписанную в каждую клетку, – фрагмент о «Лешем».
63. Далее, до запятой, вставлено над строкой.
64. Оба названия – над зачёркнутым «Скрипка Ротшильда».
65. Над словом «покаяние», зачёркнутым в авторских скобках.
66. Вслед за зачёркнутым «источниках».
67. «Бессилия» – над строкой.
68. «В конце концов» – вставлено сверху.
69. Далее – на следующей странице.
70. Знак вопроса – в рукописи.
71. «И не с другими» – вставлено над «не для других».
72. Продолжение записи отсутствует, хотя место для того, чтобы высказаться, оставалось. Отрывок под XIV-м номером – на целых листах тетрадной бумаги в клетку, с одной стороны каждой страницы, оборот чистый.
73. Последнее предложение вписано простым карандашом. Основная запись ведётся фиолетовыми чернилами, на тетрадной странице в линию, на обороте – рукой А.П. Скафтымова – «Протокол № 2 заседания кафедры русской литературы. 29 сентября 1947 г. Слушали: 1. Программа по курсу “Русская литература XIX в. (1-я треть)”. 2. Программа по спецкурсу “В.Г. Белинский”».
74. Ссылка на: [Гитович 1955: 235]: «Июль, после 16-го – Август до 9-го (1889 года. – Н.Н.). Возобновил работу над пьесой “Леший”, в которой были совсем отделаны два первых акта и конец четвёртого. Одновременно пишет рассказ “Моё имя и я” [первоначальное заглавие “Скучной истории”]». Книга из библиотеки А.П. Скафтымова.
75. [Гитович 1955: 239]. Приводится фрагмент письма А.П. Чехова А.Н. Плещееву от 24 сентября 1889 г. о посланном рассказе «Скучная история»: «Самое скучное в нём, как увидите, это длинные рассуждения, которых, к сожалению, нельзя выбросить, так как без них не может обойтись мой герой, пишущий записки. Эти рассуждения фатальны и необхо-

димы, как тяжёлый лафет для пушки. Они характеризуют и героя, и его настроение, и его влияние перед самим собой».

76. [Гитович 1955: 240]. См. фрагмент письма А.П. Чехова П.М. Свободину от 28 сентября с сообщением о том, что «уже готов третий акт “Лешего” – “поражающий своей бурностью”, о первых же двух актах написал, что в сравнении с новой редакцией – старая “невинный лепет младенца”».
77. В этом сборнике писем П.М. Свободина нет. На указанной странице – одно из подборки писем А.Н. Плещеева (она занимает стр. 235–285. – *Н.Н.*), от 5 ноября 1889 года. «Ск<учная> ист<ория>» проставлено на полях, красным карандашом, справа от первых же предложений: «Спешу вас порадовать, милый Антон Павлович. Со всех сторон слышу восторженные похвалы вашей повести, и от людей разных мнений, кружков и лагерей. Некоторые говорят даже, что это лучше всего вами до сих пор написанного» [Слово 1914: 275]. Внизу этой же страницы: «Пожалуйста, Антон Павлович, не отказывайтесь прислать нам (в “Северный вестник”. – *Н.Н.*) “Лешего” (подчёркнуто красным карандашом. – *Н.Н.*). Я, признаюсь вам, никак не ждал, чтобы “публике” ваша последняя (далее – на следующей странице. – *Н.Н.*) вещь понравилась. Она, казалось мне, больше для знатоков. Я думал, что её будут находить скучной. И вообразите – ничуть!» [Слово 1914: 275–276]. На полях, слева от этих слов, тоже красным карандашом проставлено: «Ск<учная> ист<ория>». Эта же пометка: [Слово 1914: 277, 271]; красным карандашом на полях отчёркнуто: «Толпа найдёт повесть скучной – по причине отсутствия шаблонной фабулы и обилия рассуждений. Людям понимающим она не может не понравиться; но таких всегда меньшинство» [Слово 1914: 269]. Сборник «Слово» – из библиотеки А.П. Скафтымова.
78. В «Летописи...» – большой отрывок из письма П.М. Свободина В.М. Лаврову от 11 октября 1889 г., написанного после заседания театрально-литературного комитета, забраковавшего пьесу «Леший», вследствие чего актёр вынужден был отказаться от бенефиса.
79. Запись сделана простым карандашом на четвертинке стандартного листа, сдвинута вправо. На левом поле – приписка: «О вр<емени> напис<ания> «Д<яди> В<ани>» – Лет<опись>. 282». На обороте – последнее слово предложения («отделения»), скорее всего, одной из деканатских бумаг, завизированных некоей Н. Садчиковой.

## Литература

- Ванюков А.И. А.П. Скафтымов читает «Вопросы теории и психологии творчества»: к истокам скафтымовской методологии // Проблемы филологического образования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л.И. Черемисиновой. Саратов, 2016. Вып. 8. С. 212–222.
- Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М., 1955.
- Демченко А.А. Александр Павлович Скафтымов // Демченко А.А. Саратовский государственный университет и Н.Г. Чернышевский. Саратов, 2009. С. 32–54.
- Куликова Е.И. Становление методологии Скафтымова // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Учёные-педагоги саратовской филологической школы. Саратов, 1984. С. 85–100.
- Никитина Е.П. Умом и сердцем // Скафтымов А.П. Собрание сочинений. Избранные труды: В 3 т. Самара, 2008. Т. I. С. 5–21. Работа над статьёй была начала в 1990-м году. Впервые: Никитина Е.П. Умом и сердцем // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 113–128.
- Новикова Н.В. А.П. Скафтымов: «Чехов и Толстой» (Постановка проблемы. Подготовительные материалы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. Ч. II. Сентябрь 2008. С. 82–92.
- Новикова Н.В. Логика сопоставительного анализа в рабочих записях А.П. Скафтымова («Чехов и Толстой») // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания. Саратов, 2010. С. 181–194.

- Новикова Н.В. «Существо драматического сложения» пьесы А. Чехова «Леший» (по рукописям А. Скафтымова) // *Философия Чехова: Материалы международной научной конференции*. Иркутск, 2-6 июля 2011 г. Иркутск, 2012. С. 169–193.
- Новикова Н.В. «Чайка» в черновых записях А.П. Скафтымова // *Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: Материалы Первых международных Скафтымовских чтений* (Саратов, 16–18 октября 2013 г.): Коллективная монография. М., 2014. С. 17–35.
- Новикова Н.В. Из рукописей А.П. Скафтымова: «Чайка» среди повестей и рассказов А.П. Чехова // *Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы: Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений* (Саратов, 7–9 октября 2014 г.): Коллективная монография. М., 2015. С. 28–48.
- Новикова Н.В. А.П. Скафтымов в работе над статьёй о «Чайке» // *Чеховская карта мира. Материалы международной научной конференции*. Мелихово, 3–7 июня 2014 г. М., 2015. С. 366–380.
- Новикова Н.В. Текст и контекст повести А. Чехова «Скучная история» в рукописных материалах А.П. Скафтымова // *Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения»* (г. Москва, 16–17 октября 2015 г.). Т. 4. Русская литература. М., 2016. С. 125–133.
- Новикова Н.В. «Чайка»: разрозненные страницы рукописных заметок А.П. Скафтымова // *Междисциплинарные связи при изучении литературы: сборник научных трудов*. Вып. 7. Саратов, 2017. С. 213–220.
- Новикова Н.В. А. П. Скафтымов на пути к статье «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого “Война и мир”» (Подготовительные материалы) // *Яснополянский сборник: 2016: Статьи, материалы, публикации. Музей-усадьба Л. Толстого «Ясная Поляна»*, 2017. С. 66–83.
- Прозоров В.В. Скафтымов Александр Павлович // *Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биографическому словарю*. Саратов, 2010. С. 220–233.
- Прозоров В.В. Школа Александра Павловича Скафтымова // *Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы*. Саратов, 2010. С. 4–14. См. также в этом сборнике статьи В.Е. Хализева, Н.Д. Тамарченко, Н.В. Володиной, Т.В. Черныкевича, А.П. Ауэра.
- Скафтымов А.П. «Чайка» среди повестей и рассказов Чехова (подготовительные материалы). Публикация, вступительная статья, комментарии Н.В. Новиковой // «Чайка». Продолжение полёта. По материалам Третьих международных Скафтымовских чтений «Пьеса А.П. Чехова “Чайка” в контексте современного искусства и литературы» – к 120-летию со дня написания и 125-летию со дня рождения А.П. Скафтымова (Саратов, 5–7 октября 2015 г.): Коллективная монография. М., 2016. С. 15–42.
- Скафтымов А.П. <Эпизоды «дочеховского» прочтения Ф.М. Достоевского>. Публикация, вступительная статья, примечания Н.В. Новиковой // *Чехов и Достоевский. По материалам Четвёртых международных Скафтымовских чтений* (Саратов, 3–5 октября 2016 года): Сборник научных работ. М., 2017. С. 25–68.
- Слово. Сборник второй. К десятилетию смерти А.П. Чехова. М., 1914.
- Сухих И.Н. Чеховед А.П. Скафтымов: размышления о методе. Несколько положений // *Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы*. Саратов, 2010. С. 177–181.
- Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // *Толстой Л.Н. Полн. собр. худож. соч.* Т. XII. М.-Л., 1929. С. 3–50.
- Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VI. М.-Л., 1931.
- Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VIII. М.-Л., 1931.

**Новикова Наталья Владиславовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и арубейной литературы, Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

**Novikova Natalia** – PhD, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, National Research Saratov State University.

*Contact details / Dane kontaktowe:*

*Новикова Наталья Владиславовна – Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 410012. Россия. Саратов, ул. Астраханская, 83, 11-й корпус СГУ (ИФЖ).*